

Оксана Чурюканова

Сказки

*Для взрослых
детей*

Оксана Чурюканова

Сказки. Для взрослых детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34110074

ISBN 9785449091659

Аннотация

В сборник вошли сказки, притчи и рассказы, а также повесть «Стелла», написанные автором в период с 2010 по 2018 гг. Произведения адресованы тем, кто уже давно вырос, но в душе продолжает чувствовать себя ребенком. Каждое из них – аллегория, в которой раскрываются темы добра, любви, дружбы, одиночества, справедливости, счастья.

Содержание

НЕРОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ КУКЛЫ	5
НЕРОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ КУКЛЫ	10
СТАРЫЕ ЧАСЫ	17
ПРИТЧА О ДРУЖБЕ И ЛЮБВИ	20
ВАГОН И МАЛЕНЬКАЯ ТЕЛЕЖКА	27
ПОДУШКА	37
Una mia tipica giornata	39
ЛЮБОПЫТНЫЙ ЭКСПОНАТ	40
ДАРЫ ФЕЙ	49
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сказки

Для взрослых детей

Оксана Чурюканова

© Оксана Чурюканова, 2018

ISBN 978-5-4490-9165-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕРОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ КУКЛЫ

Перед Рождеством город преображался: улицы наполнялись суетой, деревья опутывали цветные огоньки – красные, зеленые, ярко-синие, витрины больших магазинов украшали композиции из сказочных деревьев, старинной мебели и персонажей, которые могли бы обитать в этих интерьерах все рождественские каникулы.

Даже вечером стало светло, как днем, и так уютно! Но уютнее всего выглядел неприметный с первого взгляда старый магазинчик игрушек, зажатый с обеих сторон большими домами. Деревянный домик, когда-то покрашенный светлой и темной коричневой краской, сейчас местами облупившейся, открывал кое-где теплые шершавые бревна. Домик казался живым.

Но замечательнее всего было его окошко, которое было заполнено золотистым светом и игрушками. Перед праздником самые красивые выставили в витрину на всеобщее обозрение: коричневый медведь, белая собака, цветные полосатые мячи, ангелочки со звездами в руках, блестящая машина и Кукла.

Кукла была сказочно хороша – темные волосы лежали короной на ее маленькой головке, огромные глаза, опушен-

ные ресницами, маленький ротик, личико белое как снег, и на щечках горел румянец. Одета она была в светлое бальное платье, расшитое блестками и белым пушистым мехом. Сидела Кукла на мягкой подушке и смотрела на мир из своего зазеркалья.

С той стороны мир выглядел недостижимым и таким близким одновременно – стоит только преодолеть преграду из прозрачного стекла. И самой большой и постоянной мечтой Куклы стало – попасть туда, чтобы почувствовать покалывание морозца на щеках, запах шоколада и венских булочек из кафе напротив. Хотелось прикоснуться каблучками к белому снегу на тротуаре и услышать, как он хрустит.

Накануне Сочельника улицы наполнялись ребятишками и их родителями. Дети весело смеялись, предвкушая подарки, и Кукла вся сияла в ожидании чуда. Теперь она воображала, как придет малыш, заберет ее с собой, вынесет, наконец, на свежий морозный воздух, они вместе побредут по снежной дорожке домой.

Вот чего никогда не было у нее – дома. Дом представлялся Кукле теплым чудным местом, где можно сидеть на диванчике, укрывшись пледом и читать книжки или рассматривать альбомы с картинками. Смеяться, танцевать, разговаривать, угощать гостей чаем и пирожными... да чего только не придумаешь, когда есть свой собственный дом!

Сначала купили медведя, его унес мальчик, просто сразу же сгреб в охапку и больше не выпустил из рук, потом

мячи – мальчику и девочке близнецам, красную машину, кубики, взрослые дарили друг другу ангелочков. А Кукла так и сидела на своем месте.

И за это время, пока разбирали другие игрушки, она много чего передумала: может платье не такое, не модное уже? Или прическа ей не к лицу? Что не так, не могла понять бедная Кукла. А потом и предпраздничной распродаже пришел конец, она совсем отчаялась. Когда осталось несколько часов до торжества, на дорожке перед витриной показался мальчик. Ах, какой же он был милый! Просто слов нет, чтобы описать его.

Из-под меховой шапочки выглядывали большие любопытные глаза и кончик длинной челки, шарф закрывал его лицо наполовину, но Кукла смогла разглядеть, как он улыбается. Так, что в ответ невольно улыбнешься. Он стоял и смотрел на Куклу. С восхищением. Она улыбалась ему из своего зазеркалья, потому что сейчас... еще пара секунд... и он прижмет ее к сердцу и унесет домой из этого старого магазина. Не может этого не быть, Кукла была уверена, ведь это рождественское чудо.

Что такое? Подошла к мальчику мама и начала что-то говорить, он мотал головой и неотрывно смотрел на Куклу в витрине.

– Малыш, ты понимаешь, что эта кукла так красива, что играть с ней нельзя!

Похоже, мальчик не понимал. И Кукла тоже.

– На ней белое платье, если посадить ее с собой за стол и кормить шоколадным печеньем, оно испачкается, придет в негодность. Эта кукла не игрушка! Она как красивый сувенир. Что толку в ней, если играть с нею нельзя? Поставить на комод и любоваться ее красотой? Какой толк в ней?!

Мальчик пытался объяснить маме, что будет обращаться с Куклой очень бережно, как с маленькой сестренкой, ни одна бусинка не упадет с ее головы, да он просто не позволит этому быть!

– Пойдем, малыш, – сказала мама и решительно повернулась на каблуках.

Он обернулся, Кукла не верила, своим глазам, они уходили. А как же надежда на рождественское чудо, на свой дом, на друзей в этом доме, на теплые вечера в кресле-качалке у камина?!

Вы когда-нибудь чувствовали, как разбиваются мечты? Теперь и Кукла это знала. И спросите, наверное: на следующее Рождество, не пришел ли кто-нибудь, чтобы купить, наконец, Куклу? – Нет.

Если сначала Кукла была слишком хороша, чтобы с ней играть, то потом она стала пыльной и старой. Цвет волос потускнел, румянец выгорел, платье действительно вышло из моды, локоны развились, бусинки осыпались. И Куклу убрали из витрины.

По правде сказать, она была этому рада. Лучше лежать под лавкой в картонной коробке, чем каждый год видеть эти

цветные фонарики на улицах, шумных детей с игрушками в руках, снег, фейерверки... и ждать. Чего? Да вы и сами знаете.

2011

НЕРОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ КУКЛЫ (окончание)

Кукла открыла глаза, почувствовав, что задыхается от едкого дыма, наполнявшего кукольный домик. Ни рукой, ни ногой пошевелить было невозможно, видимо, волшебные часы показывали около пяти часов утра. Соображать было трудно, дышать нечем, глаза резало так, что слезы текли ручьем, но Кукла хорошо помнила, что некоторое время назад они с Арлекином сидели на диванчике в ее домике, разговаривали о цветах, потом без одной минуты четыре он ушел, в четыре все замерло..., и вот, теперь она лежит без движения, задыхаясь от дыма в своей комнатке.

Пожар.

Дом кукольника был очень старым и деревянным, мхом были зашиты пазы между бревнами, повсюду тряпочки, деревянные для починки театра и кукол. Он вспыхнул в один момент от огарка свечи, которую забыли потушить. Огонь был повсюду, он лизал стены оранжевыми языками, на кровле сноп искр вздымался вверх в утреннее небо.

Хаос. Беготня.

Тушить бесполезно.

Театр погибал, но остались куклы. Куклы, с которыми

можно было начать заново. И кукольник с Кларой, одетые, со сна, в ночных рубашках, покрытые старыми шальями, вытаскивали из огня свою ценность. Они вытащили их всех, обугленная одежда, спутанные волосы, чумазные пятна на лицах, но все они были спасены. Все, кроме Куклы.

Она осталась лежать в своем домике и медленно умирала. Единственное, чего она боялась – боли. Но боль физическая ничто по сравнению с той мукой, которую испытывала она сейчас, повторяя про себя: «Зачем? Зачем меня достали из коробки?! О, как тихо там было, как спокойно, я просто хотела уснуть навсегда, меня никто не трогал, я никого не трогала, это было вполне сносное житие-бытие».

Эти последние слова как искорка вспыхнули и вызвали образ того, кто их часто повторял Кукле. Арлекин... Сердце затрепетало – ах, как же он?! – спасли ли его?! Но вокруг был слышен только треск горящих досок. «Надеюсь, что спасли, – подумала Кукла, – ведь он достоин лучшего, чем просто так погибнуть в кукольном театре».

Арлекин был единственным другом Куклы, и может быть, потому она так привязалась к нему. Каждую ночь, как только стрелка волшебных часов останавливалась на одной минуте четвертого, он был уже у двери кукольного домика, с букетом цветов (до сих пор непонятно, где он их собирал), и они решали, что будут делать этот час, когда все куклы становились живыми.

Часто он брал Куклу за руку и вел в общую гостиную.

На окнах цвели герани, на стене тикали волшебные часы, в углу стояло старинное фортепиано, а в центре большой круглый стол под вязаной кремовой скатертью с бахромой. Именно в этой комнате и разворачивался каждую ночь настоящий спектакль, жаль только, что люди не могли видеть его, они ведь спали, не подозревая о том, что куклы ожили и вышли из своих домиков. Чем они занимались?

А чем могут еще заниматься игрушки? – они играли... Усаживались на ковре в кружок и играли в чаепитие – кукольные кружечки были очень красивы: на ручке в виде бантика была завязана розовая атласная ленточка, на каждой чашечке были нарисованы сердечки.

К чаю подавались игрушечные конфеты, разноцветные, круглые, квадратные, ромбиками, звездочками и печенье, посыпанное цветными шариками.

Пока компания пила чай, кукла Певица исполняла арии и романсы. Ах, как она была хороша! – волосы, заплетенные в косы, короной лежали на ее головке, большие лучистые глаза казались еще больше, когда она начинала петь. «Браво, браво!» – аплодировал ей Мудрец. А еще здесь были Философ, Богатырь и Белоснежка. Все они играли свои роли. Играли очень хорошо, так, что можно было воскликнуть: «Верю!». Они были очень хорошими и добрыми игрушками. Но все же... ближе всех Кукле был Арлекин.

Бывало и так, что Кукла грустила, и ей совершенно не хотелось выходить куда-то и играть. Тогда они оставались в до-

мике. Арлекин устраивался на ковре, и рассказывал истории, одну волшебнее другой. Откуда он столько знал, про разные страны, города, реки и моря, корабли, людей, цветы, зверушек. А еще, он мог сочинять сказки про любые самые простые вещи: вот увидит куклин башмачок, и готова история!

Время было столь коварно, что час с трех до четырех пролетал как одна минута. Или это часы так специально делали? Во всяком случае, теперь этого никто не узнает. Кукла лежала на диванчике и умирала. Она слышала, как огонь затрещал совсем близко, почти на крыше ее домика. Вот-вот, и она провалится. Боялась ли конца Бель Флер? – нет. Сейчас, когда жизнь как книжка раскрылась перед ее глазами, ей не было страшно, это были совсем другие чувства.

Куклы могли оживать только на час. Час жизни. Кукольной игрушечной жизни: с чаепитием, музыкой, беседами, праздниками...

Игра в жизнь.

Все остальное время они были абсолютно неподвижны. Где-то ближе к полудню руки кукольника или Клары, его жены, доставали кукол из домиков, выносили в Театр, передавали в опытные руки кукловодов. Те разгибали, сгибали суставчики, гнули шеи, взъерошивали волосы, заставляли принимать позы на сцене, перед публикой. Один день аплодисменты, другой день свист. Такова кукольная жизнь.

Она ничего, если приспособиться, не обращать внимания на грубость и силу кукловодов, научиться подчиняться им.

Кукла так и не привыкла. После сыгранной роли, когда ее относили в домик, она подолгу плакала, частенько жалела о том, что ее достали тогда из коробки и принесли в этот театр. Кукольник для нее был одновременно и спаситель, и злодей. Одна отрада – Арлекин и вот эти друзья-игрушки, которые полюбили Куклу и поддерживали ее, как могли.

Лунный свет на ковре. Руки Куклы складывают фигуры и получают тени – собака, летучая мышь, птица... Свет луны холодный, мертвый, совсем не такой, как свет солнца. Кукле опять стало так больно, что сердце сжалось в один комок – игрушечный магазин, уютная витрина, Рождество, снег хлопьями, огоньки, хлопушки за стеклом и... мальчик.

Его образ сейчас уже почти стерся из памяти, темная челка, зеленые глаза, смешная шапочка и шарф. И взгляд, полный сожаления, когда он, уходя, последний раз обернулся, чтобы увидеть Куклу. Улыбка тронула ее губы: хороша! как я была хороша тогда! – румянец, блеск в глазах, гордость от сознания своей красоты, наконец, платье, удивительное платье и туфли на высоких каблучках... «Как больно», – плакала сейчас Кукла не от боли, а от этих воспоминаний, от того, что хрустальные мечты разбились в один миг.

Пусть мои ручки и ножки не могут самостоятельно двигаться, мальчик взял бы меня на руки и отнес домой. Какой был бы этот дом, все равно: бедная лачуга с печью, или каменный двухэтажный дом, или большой светлый дворец? Какая разница, мой дом там, где живет мальчик. Я соглас-

на, чтобы его руки управляли моими, чтобы он поворачивал мою голову, чтобы я могла увидеть то, что он хочет мне показать, я хочу подчиниться ему.

«Море, белый песок, разноцветные камешки, шум прибоя. Мы просто сидим и смотрим вдаль – там, на горизонте должен появиться зеленый луч. Он волшебный. Увидишь его, и любое желание исполнится. Я пожелаю ожить. Я стану живой не на час, а навсегда. И смогу бегать за воздушным шариком в парке, смогу рисовать красками, научусь ездить верхом... сколько дел... сколько дел... И главное – солнце». Для игрушек ничего не значит ни свет, ни тьма, ни тепло, ни холод. А Кукле хотелось ощутить прикосновение солнечно-го луча, его тепло, и прикосновение ветра к щеке, и прикосновение руки мальчика.

Пожар поглотил весь дом, словно гигантский пряник, раз! и под хруст и грохот обвалилась кровля, искры взметнулись в уже светлое небо, пожарная бригада отчаялась и просто наблюдала в сторонке, чтобы огонь не перекинулся на соседние дома. Клара и кукольник с черными от копоти лицами прощались со своим театром и домом. Рядом с ними на булыжной мостовой стоял сундук, в котором лежали спасенные куклы: Мудрец, Философ, Богатырь, Певица, Белоснежка и Арлекин.

Хозяева переберутся поближе к югу, где теплый климат, ведь у Клары уже начинается ревматизм, кукольник соберет новую труппу, все вместе соорудят подмости и жизнь про-

должитсяя.

Да! – волшебные часы, их-то вынесли в первую очередь, а это значит, что каждую ночь в три часа все куклы оживут, соберутся вместе и будут пить чай, вести беседы, слушать музыку.

Ощущение полета – вот это самое настоящее счастье. «Я лечу к солнцу, солнце пронизывает меня насквозь – это свобода!» – какая-то частица Куклы устремилась ввысь. Куклы? – нет, конечно, уже не куклы, ведь кукла осталась лежать там, под обломками сгоревшего дома. Велика ли цена за осуществление мечты стать живой? На этот вопрос у каждого найдется свой ответ...

Ну вот и счастливый конец истории. Счастливый! Даже не сомневайтесь.

2011

СТАРЫЕ ЧАСЫ

Вот они – самые обыкновенные на вид часы. Деревянный корпус, металлические цепочки, гирьки в виде шишек, круглый циферблат и две стрелки. Да, еще малюсенький ключик. Тик-так, тик-так, дзинь-бомм каждые полчаса – вот и вся их работа.

По воскресеньям и перед праздником их нежно заведет ключиком и очистит от пыли ее рука, мягче которой не найти в мире. Удивительной красоты рука: пальцы, унизанные колечками, тонкие запястья, кажется, тоньше не мог бы вылепить и самый талантливый скульптор. Да что говорить, разве можно сравнить эти руки с мертвым мрамором! – такие теплые, осторожные, они бережно гладят фланелью деревянные бока, так хорошо, что старческая боль двух веков отступает.

Милая хозяйка была у часов. В этой же комнате, стояли на окнах герани, но такие были ленивые, что отказывались цвести, только зеленели и все. Уж как только не ухаживали за ними руки хозяйки, но все впустую.

Здесь всегда было так тихо, что только часы и нарушали эту тишину. И день за днем, и год за годом: «тик-так, дзинь-бомм», пока... Вот тут и начинается сказка.

Пока хозяйка не зажгла свечи на старом комодe и не нарушила тишину звуками музыки. Она весь вечер играла на фортепиано и пела романсы. Пела тихо-тихо, но часы

смогли разобрать все ноты: грустные, цвета ночных фиалок, нежные, цвета розовых лилий, пронзительные и высокие, словно пурпурные гвоздики и еще целая гамма удивительных звуков, цветов и запахов наполнила комнату. Часы так были потрясены, что забыли прозвонить и затаив дыхание полусшепотом тик-такали.

Что случилось? Это пришла Любовь и заполнила собою каждый уголок, весь воздух был пропитан ее ароматом и волшебством.

Герани распустили вдруг шапки, белые, красные, розовые. Любовь смогла пробраться даже под толстый деревянный панцирь часов. «Дзинь-бомм, – кричали часы, – отчего так беспокойно внутри, как будто эти гири тянут нас вниз... дзинь-бомм... отчего так тревожно, как будто механизм должен сейчас сломаться».

И он сломался.

Девушка садилась на обитую бархатом тахту и смотрела в окно. Проходило КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ... неизвестно какое! – час, два, три – часы этого уже не могли определить, механизм был испорчен. Тонкие руки нервно теребили батистовый платок, перелистывали страницы книги, бросали ее на ковер, вертели цветные клубки шерсти, но так и не принимались вязать.

Ждать...

Часы раньше точно знали ЧЕГО: прозвонить «дзинь-бомм», и КОГДА: каждые полчаса. А теперь и время словно

сбилося с шага: минута стала длиться час, а час стал сравним с целым днем. Хозяйка теперь с укоризной смотрела на часы, как будто они были виноваты в том, что минуты так долго тянутся. А может быть и правда – все дело в них, старых часах?

Я открою вам секрет: конечно, это старые часы растягивали минуты, потому что знали, когда она дождется, время для нее вообще перестанет существовать, и часы будут забыты, а может быть, и вовсе отправятся к антиквару. Ведь нет необходимости в часах, когда к тебе наконец-то пришло Счастье.

2011

ПРИТЧА О ДРУЖБЕ И ЛЮБВИ

*Коль «от добра добра не ищут»,
то в Мире нет добра. Давно.
Одетый в золото трактирищик
мне вынес в черепе вино.
(Вл. Мальчевский)*

В одной далекой стране стоял город с тысячью жителями: дряхлыми стариками, сильными мужчинами, красивыми женщинами, маленькими детьми. Город как город, каких много повсюду, но улицы в нем, почему-то казались узкими и грязными, дома прятались за высокими заборами, сады с плодовыми деревьями окружали изгороди из колючих кустарников. Город выглядел серым и унылым, а жизнь его жителей была наполнена тоской и злобой.

К этому городу вела одна единственная дорога, пыльная и разбитая, никто не занимался ее ремонтом, потому что жители не имели желания покидать свои дома, и не испытывали никакого интереса к жизни за городскими стенами.

И вот однажды на этой дороге показалась фигура путника. Это был человек с небольшим узлом за спиной, широкополая мягкая шляпа почти полностью скрывала его лицо, но радостной улыбки, блестящей на солнышке, трудно было не заметить. Когда-то давным-давно он ушел по этой дороге, тогда еще новой и ровной, искать Счастья и, обретя его, за-

хотел вернуться и поделиться им с горожанами. Человек шел легко, насвистывая веселую мелодию, и... вдруг остановился. На обочине, у большого камня-валуна лежали два мешка. «Чьи они? Почему лежат здесь?»

Путник удивленно оглянулся, но никого не было вокруг. Он осторожно подошел и попробовал приподнять один. «Ох, какой тяжелый! А выглядит маленьким! Что же там?» И счастливый человек развязал мешки. В одном, словно серебряный ручей, блестела Дружба, а в другом, как золото, сверкала Любовь.

– И что теперь мне делать одному с таким богатством? – усмехнулся путник, – У меня ведь за плечами целая котомка Счастья! Отнесу-ка я их в город и поделюсь с людьми.

Взвалил он эти мешки за спину и через некоторое время вошел в городские стены. Унылый, мрачный вид встретил его там. Ни смеха детей на зеленых аккуратно подстриженных лужайках, ни лая собак, ни мяуканья кошек, ни чириканья воробьев. Только высокие заборы и колючие ограды, да еще накрепко запертые двери. Человек подошел к дому, с которым некогда жил по-соседству. Постучавшись в ворота, крикнул: «Хозяин! Сосед! Открой мне, я твой друг, вернувшийся из долгого путешествия!». За воротами послышалось шарканье туфель, но дверь не открылась: «Проваливай! Нет у меня никаких друзей!». Вот такой был ответ. И так человек обошел много домов, нигде ему не открыли ворота и не пригласили зайти.

Наконец, уставший путник нашел в городе Трактир и, примостившись за столиком, заказал скромный обед. Хозяин Трактира с любопытством оглядел мешки, лежавшие под лавкой.

– Что у тебя в этих мешках? – спросил трактирщик, съедаемый Любопытством.

– Дружба и Любовь, – с Удовольствием и улыбкой ответил человек, – а еще у меня есть Счастье.

«Хороши мешки, добротное сукно и бечевка, и так туго набиты», – прошептала трактирщику Жадность.

– Человек, – со льстивой улыбкой обратился трактирщик, – а не продашь ли ты мне свои мешки?

– Нет, что ты! – широко улыбнулся путник, – Я отдаю их даром всем, кто пожелает, только вот незадача – в этом городе никто пока не захотел получить ни того, ни другого!

Глаза трактирщика алчно горели в то время, как человек развязывал первый мешок. Потом он запустил туда руку: как серебряный ручей между пальцев струилась Дружба, и хрустальный звон заполнил пустой трактир – это был смех, ведь Веселье – это частичка Дружбы.

– Вот, трактирщик, бери себе, сколько хочешь! И можешь поделиться ею с соседями или постояльцами! – предложил счастливец.

– По-де-ли-ть-ся? Так ты сказал? – Жадность схватила трактирщика за душу, вмиг в его голове пронеслось сознание того, что будет, если он сейчас возьмет предложенную ему

Дружбу: надо делиться, появятся друзья, их придется угощать пивом и хлебом, они станут приходить в то время, когда им вздумается, а это ужасно неудобно! Придется делиться кровом, пищей, своим временем, взамен получая только Веселье и смех? – Ну уж нет!

– Знаешь что, человек? Забирай свое добро, оно здесь никому не нужно! Город жил без этого и проживет еще тысячу лет.

– Неужели вы не хотите ни веселиться, ни смеяться?

– Нет! Рядом с весельем – горе, а смех всегда кончается слезами. Убирайся!

Трактирщик сильно разволновался, ведь его душа просила именно этого столько лет подряд, но Жадность и Страх быстро заглушили ее голос.

– Уходи! Уходи! И не забудь свои проклятые мешки! – закричал трактирщик.

Взвалив ношу за спину, человек побрел по кривым улочкам города. В пустынном сквере никого не было видно, только молодой художник в холщовой куртке внимательно разглядывал фонтан и куст жасмина. Путник очень удивился тому, что на холсте не было ни одного мазка.

– Художник, ты только начал свою картину? – приветливо обратился к нему человек.

– Нет, – угрюмо ответил тот, – я уже год пытаюсь ее написать, но почему-то ничего не получается!

Путник задумался, ему очень захотелось помочь худож-

нику.

– Я знаю, чего тебе не хватает! – улыбнулся после недолгого размышления счастливец и развязал второй мешок.

В свете луны, появившейся на небе, Любовь сверкала как золото, и это было так необыкновенно прекрасно, что оба на миг замерли, уставившись на это чудо.

– О, что это? – прошептал пораженный художник, одними глазами глядя золотые россыпи в мешке.

– Любовь, – так же шепотом, сам не зная почему, ответил ему путник, – бери ее и ты будешь самым счастливым на свете, ты станешь великим мастером, ты напишешь лучшие картины, твое имя прославится в городе, а может и дальше, тебя будут помнить поколения горожан!

Художник думал, не сводя глаз с сокровища. В его голове Воображение уже рисовало картины, одну краше другой. Отведя взгляд от мешка, художник обернулся – вот тот же фонтан, куст жасмина рядом и луна на вечернем небе.

– Поразительно..! Как же раньше я этого не видел? Это прекрасно! Посмотри, вот благоухают кремовые цветы жасмина, отдавая свой аромат вечернему фиолетовому воздуху, оранжевая луна, словно апельсин, висит над черными кронами деревьев, желтый свет фонарей падает на серые дорожки сквера, а брызги фонтана в этом свете переливаются, как хрустальные, всеми цветами радуги!

Путник улыбался и слушал художника.

– Ну вот, теперь тебе осталось всего лишь перенести все

то, что ты увидел на холст! – и протянул мешок.

Художник запустил руку в самую середину, чувствуя, как золото Любви обжигает ему пальцы, как странное чувство, до этой поры незнакомое, побежало по венам, как проникло в самое сердце, от чего оно больно сжалось. Страх, сидевший внутри, сразу же дал о себе знать: «Такое богатство человек не может получить просто так, или ты чем-то заслужил его, ты – бездарный художник, не написавший ни одной картины?»

– Что я должен буду отдать взамен? – спросил художник, очень волнуясь.

– Взамен? – тихо ответил путник, – Цена Любви сравнима только с ценой Жизни... если осмелишься, бери ее так, даром.

«Цена Жизни?! – так вот оно что! – Страх развернулся во всю мощь. – Ни одна картина не стоит того, чтобы за нее отдавать жизнь!».

– Нет, пожалуй..., я не возьму ее, – художник даже отошел подальше, чтобы золото больше не светило ему в глаза и этого волшебного блеска не видела его душа, так просившая Любви.

Потом он, уныло, понуриив голову, побрел обратно к мольберту, сложил его ножки, закрыл нетронутый этюдник, сунул кисти в карман куртки и пошел в свой пустой и холодный от одиночества дом за высоким забором, чтобы завтра опять вернуться в сквер и часами смотреть на фонтан и куст

жасмина, пытаюсь написать картину.

Счастливым путник остался один, у его ног лежали два мешка, один с Дружбой, другой с Любовью, а за спиной болталась котомка, полная Счастья.

На город опустилась ночь. Жители накрепко задвинули засовы на высоких воротах, выпустили псов на зеленые лужайки. Ведь в каждом доме стоял свой сундук или мешок, и жителям было, что охранять: Эгоизм, Равнодушие, Жадность, Лень...

– Прочь! Прочь из этого города, где ни один человек не захотел обладать такими богатствами, отдаваемыми даром! – Путник забросил мешки за спину и уже через минуту брел по извилистой разбитой дороге в поисках тех, кто сможет заглушить страх, отказаться от жадности, эгоизма, равнодушия, но осмелится обладать бесценными сокровищами.

2011

ВАГОН И МАЛЕНЬКАЯ ТЕЛЕЖКА

Жила-была на свете Рыжая Псина. Сама по себе жила – ни кола, ни двора, ни хозяина, ни ошейника. Спала себе под железнодорожным мостом в теплой ямке, питалась, чем бог пошлет: то котлетой, а то таким и водичкой из лужи. Летом, когда вокруг суетились птички, зверушки, букашки разные, вполне сносно было, даже весело иногда. А вот когда на хвост наступала осень, то Псине хотелось подвыть в унисон льющемуся дождю. Так и жила, никого не трогая, и ее никто не трогал.

И вот однажды возвращалась Псина под мост какими-то дворами и подворотнями ранним утром с большого базара, даже вроде бы тащила в зубах кусок колбасы. И вдруг: «Эй, Псина! Привет! Куда намылилась?». Псина остановилась, замерла как сторожевая, вся в струнку вытянулась, повела носом в направлении веселого окрика. Перед ней стоял Человек в голубых джинсах и вязаной шапке с ушами – точь в точь как у нее... и улыбался. Вот это тронуло Псину за самое ее собачье сердце, ведь обычно, глядя на нее – бездомную Рыжую Псину, люди старались отвернуться или просто зло прогоняли от своих ног.

«Иди ко мне!» – сказал незнакомец – «Я тут утром по-

курить вышел во двор, смотрю, ты идешь! Классная такая Псина – рыжая, лохматая, деловая колбаса с колбасой в зубах. Посиди со мной, пока я докурю». Псина подошла совсем близко. Доверилась сразу. Человек как будто добрый, веселый, потом оказалось, жутко умный, он пока курил, столько всего про разные вещи Псине рассказал, что у нее уши из висячих в стоячие превратились.

Так и повелось у них, Человека и Псины, каждое утро сидеть во дворе и разговаривать. Покурят вместе и расходятся – он по делам, она под мост, в свою ямку или пищу добывать себе на ужин.

Необычное ощущение испытывала теперь Псина: раньше бегала, куда хотела, по каким угодно дорогам, а теперь ее путь был строго обозначен через двор Человека, раньше времени было вагон и маленькая тележка, а теперь и тележки не осталось, все строго по часам расписано. Утром прибежать во двор, день перекантоваться под мостом, а вечером опять во двор и дальше вместе: то на речку, то на пустырь, то в лес, а то в город – гулять. Как будто поводок на шею накиннули.

В один из вечеров, как обычно, Человек и Псина зашагали в парк. Сумрачно, фонари горят. Прохладно. У Человека руки замерзли, он обнял Псину, и так они сидели на пригорке, наблюдая звезды. Тепло вместе, один бутерброд на двоих ели. С эстрады доносилась музыка – «джаз», объяснял Человек, довольно улыбаясь и теребя рыжие уши Псины. «Хо-

рошая ты, даже удивительно хорошая Псина! Я так рад, что ты тогда протащила свой хвост через мой двор, и мы познакомились» – «А я так рада, что ты тогда окликнул меня», – подумала Псина. – «Я вот думаю, а если бы ты бежала тогда другим двором, мы бы и не увиделись никогда! И сейчас сидел бы я дома, а не с тобой в парке и слушал джаз. Джаз-то он и в Африке джаз, но, согласись, вдвоем его слушать ровно вдвое приятнее!». И Псина согласилась. Она соглашалась со всем, что говорил Человек, и тогда, когда он говорил: «Я твой друг».

Друг... это когда делишь пополам все, так поняла Псина. Колбасу и вечер делишь пополам на двоих. Хорошо. Здорово. Вечер прошел, и они разошлись: Человек домой, а Псина к себе под мост. Обычно он ее прогонял, ласково так: «Псина, шуруй спать! Поздно уже, а тебе еще до моста добираться». Она последний раз ткнется в его руку и побежит, а по дороге думает...

Я знаю, что вы сейчас подумали: мол, отчего этот человек не заберет Псину к себе, раз она так ему нравилась, и может вам покажется, что она грустила всю ночь до утра, лежа под мостом. Нет. Она не думала про это. Псина эта была ничейная, а это значит, что у нее не было Хозяина. Вы думаете, что она смогла бы ходить в ошейнике на поводке и носить намордник? Если так думаете, то жестоко ошибаетесь. В голове у Псины были совершенно другие мысли...

Наступало утро, и Псина, по привычке, бежала во двор,

садилась в уголке под деревом и смотрела на дверь, ждала, когда появится Человек. И он обязательно появлялся. И обязательно выносил Псине что-нибудь вкусненькое. Замечательное утро получалось: на небе радуга, на ветках капли дождя висят вниз головой, в руках у Человека книжка и он читает вслух. Псина, растянувшись на желтых листьях, чуть приподняв уши, прислушивается к его голосу. Вокруг суета, собак вывели хозяева, кого на поводке, кого на цепочке, просто цирк какой-то. Шум, суета, лавочки занимают, через барьеры прыгают, шерсть вычесывают... А им двоим так тихо и хорошо вместе книжки читать.

И вот однажды...: «Послушай, Псина, я давно хотел с тобой поговорить», – от этих слов Псина подобралась вся, навострила уши, внимательно поглядела на Человека, но он отвел взгляд, ох, как закололо под ребрами, страшно стало Псине, ведь с ней никто никогда не разговаривал, тем более так серьезно. «Ты хорошая, рыжая, лохматая, но, Псина, ... я не могу взять тебя к себе!». «Что за чушь собачья? – подумала Псина, – что он говорит? Куда к себе? Зачем к себе?». А Человек продолжал: «Мы не можем с тобой все время таскаться по паркам и лесам, зима наступает, я не смогу гулять с тобой каждый день, понимаешь? И ты... ты не моя собака!».

Ну и что, подумала Псина, разве ж я чего-то прошу от тебя больше того, чем ты мне даешь? Но сказать-то не могла, собаки не разговаривают, а только виляют хвостом. Человек

поднялся и пошагал к дому, молча, потом увидев, что след в след за ним шагает Псина, прикрикнул на нее: «Псина, вали к себе! Не ходи за мной больше!» А она шла и шла... Уже во дворе, он обернулся и сказал: «Псина, ты удивительная...». И на следующее утро опять они вместе сидели на лавке и курили, ну, курил-то Человек, а Псина смотрела на него и улыбалась.

Поздней осенью случилась неприятность. Во дворе завелась огромная собака, черная, здоровая, сильная. Всех кусала: и собак и людей, без разбора, нравился ей этот процесс. Не могла только к Человеку и Псине подобраться. А когда всех перекусала, видать от скуки решила все-таки напасть. Начала бросаться на Человека, с одной стороны зайдет, с другой зайдет, зубами клацает – страшно! А он такой интеллигентный был, что не мог ни палки с земли поднять, ни камень в нее кинуть. Псина не выдержала и бросилась на собаку, хотя та втрое больше ее была и сильнее. Как они дрались... ни в сказке сказать, ни пером описать, ни топором вырубить. Ключья летели по всему двору. Всем досталось.

А когда Псина лежала под мостом, вспоминая произошедшее, ей было одно непонятно – Человек, вместо того, чтобы спасибо ей сказать, за то, что она бросилась на его защиту, накричал, был недоволен. И от этого ей было нехорошо на душе. Потом все забылось. И продолжалось по-прежнему. Но иногда Человек говорил, чтобы Псина не привыкала к нему, что домой ее взять он не может, и что Псина отни-

мает у него слишком много времени...

Вот такие слова, вроде бы простые, но они как камни ложились на самое дно собачьего сердца. «Я ему мешаю», – это Псина поняла, и приняла решение, очень трудное для себя – не ходить во двор. И однажды не пошла. Но так как она не могла не убедиться, что человек жив-здоров, спрятавшись в подворотне, она смотрела на его дверь.

Человек вышел, огляделся вокруг, сел на лавочку, достал пачку сигарет, опять повел глазами вокруг. Псины не было. А она стояла в трех метрах и выглядывала из-под мусорного бака. Что ж, прошло отведенных полчаса, он покурил, перекинулся парой фраз с соседями, встал и пошел по своим делам. Целый день Псина не находила себе места. Маялась, не ела, ни пила, вечером, не выдержав, притащилась опять во двор.

«Псина! Где тебя носило? Такая-сякая! Без тебя было так тоскливо, Псина, ты не представляешь, просто не двор, а пустыня», – вот так сказал Человек. И с тех пор, что бы он ни говорил, как бы себя не чувствовали ее хвост или лапы, каждый день Псина спешила во двор к Человеку.

А потом произошло еще одно дело. Человек обнял Псину за шею, и спросил: «Псина, Рыжая Псина, интересно, у тебя такие умные глаза! А какого они цвета?». Псине смешно стало, она в принципе не знала, что у нее глаза есть, тем более, не знала, какого они цвета. Человек, взяв ее за длинные уши, повернул к себе ее голову: «Ну ты даешь, Псина! Тако-

го вроде не бывает – они у тебя зеленые!»).

Да... это большая редкость – Псина с зелеными да еще умными глазами, а ей смешно, и она виляла хвостом и улыбалась. Замечательная Псина, замечательный Человек.

Зима пришла очень холодная. Морозы стояли жестокие. Но ночь быстро проходила в ожидании утра, и двора, и друга. Тяжелее было, когда Человек уезжал за город на несколько дней. И Псина знала это, а почему-то все равно шла во двор и сидела там, повернув нос к дороге. День за днем, день за днем. А уж, когда он вернется, бросится к нему и давай прыгать и лаять, и оба начнут скакать по сугробам, обсыпая друг друга снегом, радости было... вагон и тележка!

Ничего не предвещало беды, как обычно, пришла она без стука. Вечером двор был полон самых разных собак всех мастей, Псина этого не любила – шум, гам, тьявканье, она все ждала, когда же Человек достанет из кармана книжку стихов и начнет читать их вслух, а он и не собирался. Псина была рядом, а он разговаривал с соседями по двору, принялся играть с их собаками.

«Я надоела ему», – подумала Псина и тихонько отошла под дерево. Человек словно и не заметил, что Псины нет. Так весело было ему кувыркаться со всеми в сугробах, трепать по шерсти пуделей, мопсов, пекинесов, они визжали от удовольствия. Игры их были противны до рези в животе, но Псина терпела, ей бы уйти к себе под мост, а никак. Ведь Человек и пары слов ей не сказал за целый вечер, до чего же

обидно, до чего же нехорошо стало внутри.

На двор тем временем опустилась ночь, а Псине еще бежать под мост. Наконец, взгляд Человека выхватил из темноты рыжую фигуру под деревом: «А... Псина! Ты чего не ушла?». А как она уйдет, если они даже не попрощались? Уже не говорю о том, что Псина не получила своей порции внимания и ласки. Как она уйдет? «Иди, Псина, тебе пора, а я еще погуляю здесь».

Вот эту ночь ни часика она не спала. Но собачий мозг не мог придумать ничего лучше, чем такие мысли: «Я плохая собака, ему неинтересно со мной гулять, я ему надоела. Поэтому я не должна больше ходить туда». И она старательно обходила двор стороной, из подворотни поглядывая время от времени как там дела, а дела были отлично: уйма народу и собак, на поводках и без, каждое утро и каждый вечер. И про Псину там никто не вспоминал.

Через несколько дней Псина почуяла неладное, все и так было совсем неладно, но тут это было связано не с ней, а с Человеком. Он стоял на пустыре и звал ее. И она, ни секунды не раздумывая, бросилась к нему. «Псина, Псина... ты ушла от меня. Почему?». Да потому что у тебя новые друзья, думала Псина, но сказать-то не могла. «Ты понимаешь, Псина, как тебе это объяснить, я должен с ними гулять, потому что это моя работа, я их выгуливаю, понимаешь?». Она не понимала, но виляла в ответ хвостом. «Я не смогу посвящать тебе столько времени, сколько раньше, потому что я

буду теперь гулять с ними». «С этими пекинесами и пуделями? Гуляй, только давай я буду приходить каждый день утром и вечером во двор, чтобы убедиться, что ты жив-здоров. И никто мне не мешает туда прийти, так-то». И Пси-на приходила.

Утром Человек совал ей в зубы бутерброд, он стал уже дежурным. Дежурный бутерброд это совсем не то, что когда-то: «Эй, Псина! Куда намылилась?!» или «Иди ко мне!» А вечером, вечером она видела, как Человек выводил во двор на поводках и цепочках целую свору собак, каких там только не было! И они гуляли, резвились, смеялись...

В то время как Псина издалека смотрела на них, не на них, а на него, на своего бывшего друга. Все осталось в прошлом: книжки, пустырь, лавка в парке, и еще такие вещи, которые вроде бы ничего не стоят, но без них не прожить.

«Эй, Псина, ты такая удивительная, рыжая, лохматая, возвращайся, Псина, без тебя так тоскливо...»

Она ушла. Нет, недалеко, она все там же под мостом. Во двор она больше не ходит, потому что знает, что однажды утром, не обнаружив в обычном месте под деревом Рыжей Псины, Человек нахмурился, позвал пару раз, потом зло погрозил кулаком и, повернувшись в сторону моста, погрозил: «Нет и не надо, не приходи больше сюда, никогда!».

А она лежит в ямке и слушает, как по мосту с грохотом проносятся поезда. И у каждого вагон и маленькая тележка. «Чух-чух... чух-чух...»

Если вы когда-нибудь встретите на улице или во дворе ничейную псину, не трогайте ее, не окликайте, не зовите, и еще – никогда не заглядывайте ей в глаза, чтобы узнать, какого они цвета.

2011

ПОДУШКА

А мне захотелось написать гимн подушке. Какой? – твоей, самой обыкновенной мягкой подушке. Ведь наверняка она у тебя есть, думаю, по статистике 95% из 100 должны спать на подушках, значит, и ты тоже. Надоумила меня вчера это сделать моя подушка, тоже самая обыкновенная, мягкая, набитая какими-то пушистыми шариками.

Когда я ложусь спать, то всегда думаю о тебе, то пять минут, то час, а было, что и много-много часов подряд. Еще утром и когда среди ночи просыпаюсь, тоже о тебе думаю. Получается такая картинка: мир большой-большой, черный, небо звездное, в два или три ночи почти все спят уже. И ты спишь. Где-то в этом застывшем мире под черным небом с золотыми звездочками ты лежишь в свое кровати на своей подушке и тихо спишь. А я ей завидую, потому что она сейчас под твоей щекой, и этой ночью, и прошлой, и будущей... Она становится теплой от того, что ее касается твое дыхание, она впитывает в себя твои сны. Мне интересно, что тебе снится, а ей уже нет, она ведь столько раз их видела.

У меня на подушке нарисованы сказочные цветы и над ними парят совершенно фантастические Солнышко, Желтая собака, Голубая лошадь, в цветной горошек Ворона и еще кто-то... и все такие летающие, что уши по ветру. Одно Солнышко просто улыбается и обнимает всех руками-лучиками.

Вот такая подушка. А какая у тебя я не знаю. Но почему-то страшно ей завидую. Ведь как повезло! – лежала себе в магазине, потом ее купили, могла попасть в другой дом, а попала к тебе, случайно. Случайно, по стечению обстоятельств. Поэтому она не ценит того, что стала твоей. А может быть теперь она очень рада этому. Да, скорее всего так и есть, ведь ты – это ты. Лежит она днем и скучает – ждет тебя, а когда ты не возвращаешься, она сильно переживает, как... как... как глупая подушка.

Примерно 365 ночей в году, а за всю жизнь их уже целая уйма, вот сколько раз он обнимет тебя и закроет глаза, как только прикоснется к тебе щекой. Вот и получается, что ближе подушки никого нет, разве не так?

2014

Una mia tipica giornata

Stamattina ho pensato che ogni nuovo giorno per me è una grandissima difficoltà. Di solito mi alzo alle sette e mezzo, mi vesto, mi pettino e subito prendo un caffè. Preferisco il caffè con latte e del formaggio. Tutti i giorni vado al lavoro, soltanto lunedì è il mio libero giorno. Vado al lavoro a piedi perché nella mia città non ci sono né autobus né filobus né tram. Devo andare a circa due km per mezz'ora, ma questa strada è molto bellissima. Vedo colline, fiumi, templi, barchi, grandi alberi... Quando vengo nel mio ufficio accendo subito il computer e leggo una posta e qualche notizia. Al museo mi trovo dalle nove alle sei, poi mi avvio a casa, dove mi aspetta la mia mamma ed i miei gatti. Ogni sera studio l'italiano, leggo, scrivo, imparo regole grammaticale. E così più che sette mesi. Perché i giorni sono una difficoltà per me? Spiego: ho un sogno grandissimo. Il sogno di vivere in Italia, essere di capace parlare in italiano, avere molto tempo libero per fare le mie opere letterarie... Anche ogni giorno penso di te. Quando mi sveglio, quando mi addormento. Ogni momento io penso di te: come stai? dove sei? cosa fai? Tanto voglio stare con te. Insieme. Ma è il sogno impossibile...

«Ognuno sta solo sul cuor della terra trafitto da un raggio di sole: ed è subito sera».

ЛЮБОПЫТНЫЙ ЭКСПОНАТ

Над низким горизонтом клубилась фиолетовая дымка, спорадически вспыхивая то здесь, то там неоновыми запятыми розового цвета. Стекланный купол выставочного Павильона перехватывал эти вспышки, рождая в его огромном и необычном пространстве новые эффекты освещения, незапланированные куратором. Перед прозрачными стендами тихо передвигались фигуры. Шепот, сосредоточенное молчание, лишь изредка эта тишина прерывалась негромким восклицанием удивления: одобрения или негодования.

Павильон посещали редко. В основном его посетителями становились старые, уже отлетавшие свое, пилоты и еще совсем молодые, с персиковой кожей на щеках, девушки и юноши, не бывавшие нигде, кроме допустимой границы Нового Мира, утвержденной Верховным Комитетом в незапамятном 1 году от Сотворения Нового Мира. И если первых влекли сюда, под стекланный купол, воспоминания, то последние приходили как раз потому, что не имели их.

Выставка позволяла прикоснуться к тому, что однажды исчезло навсегда, растворившись в этой фиолетовой дымке, и не оставив напоследок ничего, кроме редких воспоминаний и пары-тройки экспонатов.

Черный, расцвеченный звездами небосвод, оказался великолепным занавесом для маленьких драгоценностей, вы-

ставленных в открытых витринах, развешенных на холодных стендах, разложенных на низких и узких столиках, вокруг которых были расставлены белоснежные диваны. Все это словно приглашало войти, уютно расположиться и, не торопясь, ознакомиться с экспонатами. Тот, кто создавал Павильон, вне всяких сомнений, оказался талантлив и прозорлив. Несмотря на то, что, конечно, Павильон не был самым популярным местом на Планете.

– Подойди сюда, Ло, – тихим шепотом позвал подругу юноша, одетый в серую форму 15-го Отряда, и частью из-за того, что она не услышала, а частью из-за того, что захотел еще раз прикоснуться к ней, он протянул руку и, взяв девушку за острый локоть, потянул к одному из стендов. Она повиновалась, доверчиво сделала пару шагов, неслышно ступая мягкими подошвами сапог-дутышей.

Молодые люди остановились у одной из витрин, устроенной наподобие складского шкафа с открытыми полками. На одной из них лежал предмет, пару минут назад привлечший внимание юноши.

– Как думаешь: что это? – шепотом спросила девушка, широко распахнутыми глазами разглядывая неведомое и невиданное ею прежде чудо.

Картонно-бумажный предмет покоился на прозрачной полке, словно призывая разгадать его тайну. Но так как молодые люди были «продуктами» Планеты, они не бросились хватать это «нечто» руками. К тактильным ощущениям

они, как и все рожденные здесь, прибежали лишь после того, как информация была сканирована сложной системой мозга с вживленным в нее чипом, делающим ее более эффективной, более развитой и более быстрой по сравнению с мозгом какого-нибудь старого пилота, рожденного еще на Земле.

Но сейчас совершенные мозги двух юных и любопытных оказались совершенно бессильными перед этим чудным предметом. Они не обладали воспоминаниями, и все, что относилось к прошлому, естественно, рисовалось в их глазах чем-то непонятным и незнакомым, а потому таким притягательным. Вот почему девушка и юноша часто становились гостями Павильона.

– Мне кажется, это сделано из бумаги, сверху защищенной более твердым и прочным слоем картона.

– А этот тканевый бок, кажется, удерживает между собой всю, содержащуюся внутри бумагу.

– Это может лежать, может стоять, вот так, – парень поставил предмет на одну из узких боковых граней.

– Если бы здесь, – девушка указала на ту часть, что теперь смотрела прямо на них выцветшим картоном, – была бы изображена картина, то можно было бы предположить, что это служило для украшения интерьера.

По взгляду своего друга она, однако, заметила, что высказанное ей предположение не выдерживает никакой критики, и согласно умолкла, в недоумении покусывая блестящий лазурного цвета ноготок. Прошло непозволительных четы-

ре минуты, а совершенная система сканирования и анализа, вживленная в изящные черепа двух молодых людей, так и не дала результата. Тогда они решились и одновременно протянули руки.

Увесистый, несмотря на свои небольшие размеры, предмет выскользнул и упал на прозрачный пол, обнаруживая еще одно удивительное свойство. Раскрывшись почти пополам, экспонат продемонстрировал ахнувшим друзьям свое нутро, сплошь состоявшее из белых и тонких листов бумаги, заполненных текстом. Этот язык был им знаком, но только как одна из форм коммуникации Старого Мира.

Устроившись на одном из удобных белых диванов, юноша и девушка пытались расшифровать тайну необычного предмета уже при помощи всех доступных им средств: переворачивая его в руках, глядя шероховатые теплые листы, нюхая пыль, забившуюся в его тканевый бок.

– Ооо... что это?!

Неожиданно среди бесконечного количества одинаковых и «немых» листов показалось еще что-то, заставившее девушку подскочить на диване.

Что-то сухое и хрупкое покоилось между листами.

– Мне кажется, это было положено сюда гораздо позже, чем был создан первый предмет. – Парень деловито осматривал, вертя перед глазами, новую странную находку. – Если учесть углеродный состав обоих предметов, можно утверждать, что этот предмет был создан где-то в 1962 году,

а этот...

– А этот, – подхватила девушка, – в то время еще рос и зеленел, сейчас, сейчас, – ее мозг активно переваривал информацию, данную маленьким и хрупким вложением, – и зеленел где-то в районе Умеренной климатической полосы в густом смешанном лесу с преобладанием хвойных пород деревьев! – Она была горда своим уровнем образования и счастлива тем, что это по достоинству ценил сидящий рядом юноша.

– Верно, – заключил он, тоном того, кто немногим, но старше.

Они еще вертели в руках два странных предмета в бесплодной попытке понять, что же это такое, как за их уютным диваном оказался высокий, худощавый человек. Его голова, совсем седая, была гордо посажена над прямо развернутыми плечами, как у пловца. Серая форма потеряла форму и блеск, а вместо обычных дутышей на его ногах были надеты низкие и удобные замшевые мокасины. Улыбнувшись немного ироничной улыбкой, заставившей его губы криво изогнуться, Пилот мягко дотронулся до плеча юноши.

– Я могу вам помочь?

Будто ужаленный, парень вскочил и в ту же секунду отдал честь, восхищенно подбросив ко лбу ладонь. Девушка тоже встала и, по-детски приоткрыв рот, с обожанием уставилась на героя. Нет нужды объяснять, что значили Пережившие Конец ветераны для молодого поколения, родившегося в Но-

вом Мире.

– Ладно, ладно, – Пилот обошел диванчик и, усевшись посередине, ласково спросил, – вы не против?

Судя по лицам, одновременно выражавшим и восторг, и уважение, молодые люди были не против, а очень даже «за» его компании. Они сели на диван, как можно ближе к Пилоту, желая прикоснуться к его рукам, увидеть звезды на его погонах так близко от себя...

– Я заметил, что вам не по зубам этот экспонат, – сказал Пилот, забирая из рук юноши бумажную штучковину, – и этот тоже, – забирая из рук девушки хрупкое нечто. – И вы, прибегнув ко всем своим аналитическим методам, так и не смогли отсканировать их. Я прав?.. ну, конечно, я прав, – тихо и грустно добавил Пилот, будто разговаривая сам с собой. Но, быстро опомнившись, он мигнул глазами, избавляясь от влажной завесы, и продолжил уже бодрым голосом, – это называется Книга, по сути – жесткий диск, хотя и исполненный из такого недолговечного материала как бумага. А это, – Пилот провел перед глазами девушки, заморожено слушающей его объяснения, вторым предметом, – это Папоротник, как справедливо предположила юная леди, выросший в хвойном лесу где-то в районе Подмосковья...

Глаза пилота вновь стали туманными. Он умолк на добрых пару минут, и молодые люди не посмели тревожить его воспоминаний.

– Да, это папоротник, положенный в книгу замечатель-

ного американского писателя Рэя Бредбери «Вино из одуванчиков», по всей видимости для того, чтобы подчеркнуть важность какой-то строки... Какой, вряд ли возможно узнать, вы так неосторожно извлекли закладку...

Все эти слова казались бредом тяжело больного двум юным и таким наивным друзьям. Они всегда были уверены в непогрешимости своей мозговой системы, они доверяли чипам и сенсорам, встроенным в их тело, и призванным усовершенствовать его. Но сейчас... перед ними встала тайна, неподдающаяся ничему, кроме воспоминаний Пилота. И они слушали, забывая обо всем, не замечая вокруг ни черного звездного небосвода, ни мягких шагов посетителей Павильона, ни той фиолетовой дымки, за которой терялся след Земли, взорвавшейся недавно и оставившей Новому Миру пару экспонатов, ветеранов с их воспоминаниями и вот этот туман своего последнего вздоха.

– Если попробовать, то можно все-таки найти то самое место, – Пилот лихорадочно блестя глазами принялся переворачивать страницы, ноздри его изящного носа раздувались, а лоб перерезали две глубокие морщины. И тут он сделал совсем неожиданный для юных друзей жест: поднес книгу к лицу и... понюхал ее. Лицо Пилота преобразилось. Губы растянулись в довольной улыбке. Глаза засверкали. – Вот здесь! Понюхайте! – Он сунул раскрытую книгу под нос изумленного парня, потом девушки. – Нюхайте! Чувствуете? Это запах прелой травы. Папоротник лежал здесь, вот даже

виден зеленоватый след. Видите?

И друзья закивали головами. Они видели и след растения, оставшийся на белой бумаге, и даже чувствовали этот странный запах, имевший, кажется, и цвет, и форму. Но до сих пор для них тайна так и не была раскрыта. А Пилот стал шарить по карманам, приговаривая: «Да где же они...», пока не извлек наружу очки в серебряной оправе.

«Вино из одуванчиков. Самые эти слова – точно лето на языке. Вино из одуванчиков – пойманное и закупоренное в бутылки лето. И теперь, когда Дуглас знал, по-настоящему знал, что он живой, что он затем и ходит по земле, чтобы видеть и ощущать мир, он понял еще одно: надо частицу всего, что он узнал, частицу этого особенного дня – дня сбора одуванчиков – тоже закупорить и сохранить; а потом настанет такой зимний январский день, когда валит густой снег, и солнца уже давным-давно никто не видел, и, может быть, это чудо позабылось, и хорошо бы его снова вспомнить, – вот тогда он его откупорит! Ведь это лето непременно будет летом неожиданных чудес, и надо все их сберечь и где-то отложить для себя, чтобы после, в любой час, когда вздумаешь пробраться на цыпочках во влажный сумрак и протянуть руку...

Вино из одуванчиков. Вино из одуванчиков. Вино из одуванчиков...», – голос Пилота растворялся в стеклянном холодном пространстве павильона, подобно тому, как дыхание растворяется в морозном воздухе, и хотелось ухватить его

и держать, сохранив как еще один экспонат Выставки.

Друзья не заметили, как мужчина поднялся и тихо ушел, оставив их наедине с Книгой – приоткрытой тайной прошлого, исчезнувшего навсегда вместе с взорвавшейся Землей. Вместе с ее неведомыми папоротниковыми лесами, запахами, вкусами растворенного в зеленых стеклянных бутылках Лета.

2016

ДАРЫ ФЕЙ

Эта история произошла в одной сказочной стране, где на деревьях распускались и нежились под лучами солнца розовые цветы, где прекрасное синее море качало на своих волнах дельфинов, умеющих говорить, где встречались добрые феи и злые колдуньи. Жили по соседству две девочки подруги, родились они в один день, родители рассказывали, что они спали в одной колыбели, и качала их то одна мать, то другая.

Однажды наступил праздничный день — девочкам исполнилось по шестнадцать лет. Когда подружки вышли наряженные к гостям и сели за праздничный стол, все увидели, что они успели превратиться в красивых девушек. День этот обещал быть праздничным, а закончился очень печально, в общем, с него-то и началась эта история.

Веселились, играли, пели песни, угощались пирогами, а когда начались танцы, один парень, звали его Микеле, стал приглашать лишь одну из двоих подруг. Он не на шутку влюбился в ту, которая показалась ему краше своими добрыми глазами. Шла неделя, другая, третья, времена года сменяли друг друга, наконец, стали поговаривать о скорой свадьбе. День ее уже был назначен, и накануне вечером собрались все девушки в доме невесты, чтобы последний раз петь с ней девичьи песни и делиться своими секретами. Пришла и близ-

кая подружка, которая затаила в своем сердце лютую ненависть и на свадьбе поклялась жестоко отомстить за то, что не ее, а подругу предпочел Микеле.

Год за годом она носила в себе зависть и с нетерпением ждала, когда же в семье бывшей подруги произойдет несчастье, вот тогда ей была бы радость! Но семья Микеле жила счастливо, в любви и верности. Микеле был искусным мастером-каменщиком и много времени проводил в своей мастерской — работал там день и ночь. Такие красивые вещи у него получались, что их покупали короли из всех стран, он мог сделать все, что угодно — вазу, стул, стол, ванную, да так искусно, что все просто поражались.

Жена Микеле с возрастом лишь хорошела, а когда появился сын, то и вовсе стала первой красавицей. Видя все это, злая и завистливая соседка наоборот превращалась в страшную ведьму, в черном сердце которой все росла и росла ненависть да желание мести. Каждый раз, проходя мимо дома бывшей подруги, она плевала и говорила: «Что б вам пусто было». Так незаметно и превратилась она в настоящую колдунью, ее даже приняли в компанию таких же злых волшебниц. Да, увы, и в этой прекрасной стране были такие.

В ночь новолуния собирались они на высокой горе на праздник, каждая хвасталась своими умениями и злодеяниями: то болезнь наведут, то путника с дороги собьют, а то и пострашнее бед натворят.

Колдунье нечем было похвастаться, как ей этого не хоте-

лось — силы у нее еще было не так много. Но пришло время, когда своими черными мыслями и делами она заслужила настоящую колдовскую силу и тут же поспешила ее применить: пришла к бывшей подруге, снова увидела красоту, чистоту и дом — полную чашу.

Глаза подруги светились радостью и гордостью, тогда ведьма сказала: «Все ты получила, все у тебя есть, а у меня ничего, хотя мы и росли вместе, лежали в одной колыбели, носили одинаковые платья. Чем я хуже тебя? Так вот теперь, получай расплату — я заберу самое дорогое, что у тебя есть!» И с этими словами ушла. А наутро, когда Микеле отправился в свою мастерскую, несчастная женщина услышала горестный крик мужа.

Сердце ее оборвалось: она уже представила, как ее дорогой Микеле лежит на деревянном полу, может уже и неживой. Бросилась она туда, что было сил, хотя ноги не держали, и увидела, как Микеле стоит посреди мастерской и рыдает, прижав руки к лицу, а их сын превратился в камень. Он был точно живой, только в глазах его не светился огонь жизни, и руки и ноги его уже не двигались, и сердца не было слышно.

Так горевали несчастные над своим сыном, что поседел и выплакали все глаза. Долго они жаловались и молились о помощи, и их мольбы слышали феи. Да-да, если есть колдуньи, то есть и феи, не может быть зла без добра. Возможно, силы их равны, но иногда одно побеждает другое, так уж

устроен мир. Узнав о том, что произошло, феи собрались на свой совет и решили, как помочь и каким способом можно разрушить чары ведьмы.

Одна мудрая фея сказала так: «Я знаю, что сегодня родилась девочка с необыкновенной силой, ее даже хотели посвятить в феи, такая она необычная. Думаю, что ее появление неспроста, и она будет в силах разрушить чары. Вот только когда и как?».

Фея задумалась, покачивая своими прозрачными крыльшками. Другая, светящаяся розовым внутри, сидящая верхом на стрекозе, тут же отозвалась: «Я подарю девочке дар любви, благодаря которому она сможет растопить любое каменное сердце». Другая, державшая в руке волшебную палочку, добавила: «А у меня есть удивительный дар, который я долго берегла, это волшебные глаза, способные видеть насквозь и читать мысли любого человека, но дар этот опасный: однажды взглянув в эти глаза, их невозможно будет забыть».

«Да, это опасный подарок, — молвила еще одна фея, — но если он поможет снять чары, и будет направлен на доброе дело, то почему бы им не воспользоваться? А как избавить всех остальных от опасности попасть под чары ее взгляда, я знаю — вот мой подарок: скромность, которая не даст девочке поднять своих волшебных глаз, пока ее сердце не подскажет, что наступил тот самый миг, когда нужно посмотреть прямо в глаза другого человека».

«Прекрасно!» — воскликнула старшая из фей, на том и порешили: наградили девочку своими дарами, и осталось лишь ждать момента, пока волшебство не начнет действовать. Что поделаться, даже добро иногда заставляет себя ждать, а зло тем временем торжествует.

Колдуньи тоже не сидели без дела, они рыскали по ночам в поисках своих жертв, собирались на свои страшные советы, делились новостями. Конечно, о необыкновенном ребенке они не могли не узнать. Как разозлилась тогда колдунья, ей казалось слишком малым то наказание, что уготовила она бедным соседям.

Собрав всю злую силу, какая была у нее и ту, которой поделились другие ведьмы, колдунья выкрала девочку и бросила ее в чужой стране, за тремя морями и тремя рядами высоких гор, там, где было так холодно, что сердца людей покрылись толстым слоем льда. Бедняжка росла среди чужаков, многие ее ненавидели за красоту, за то, что она даже не взглянув на человека, могла безошибочно прочитать то, что было у него на сердце, за то, что она была похожа на принцессу и любила все красивое и за то, что всегда ходила, опустив глаза, как не заставляли ее, как не кричали: «Смотри мне в глаза!», она лишь ниже опускала голову и молчала.

Тяжело ей было жить среди льда, потому что ее сердце тосковало по солнцу, по морю, по цветам и музыке. Откуда она знала, что все это существует? Возможно, это был еще

один дар, самой старшей и самой мудрой феи.

Много лет прошло, не три года и не пять, и даже не десять, когда Микеле и его жена уже отчаялись ждать помощи. Они совсем состарились, а их сын так и остался красивым и юным, но каменным. Теперь он стоял не в мастерской старика Микеле, а перед дворцом короля, на главной площади города. Увидев невероятно красивого каменного юношу, вельможи, что закупали у Микеле вазы и прочие вещи, донесли о необыкновенной статуе королю, тот сам приезжал посмотреть на чудо и забрал ее себе, никто и подумать не мог, что это настоящий мальчик, только заколдованный ведьмой.

Добро всегда побеждает зло, даже если этого приходится долго-долго ждать. В день весеннего равноденствия, когда у фей был праздник, и их крылышки мелькали в лучах солнца, а волшебные палочки так и сыпали желтой пылью, силой добра необыкновенный ребенок был возвращен в свою страну. Это была уже красивая девушка, не понимавшая, какое отношение она имеет к феям и их подаркам, она просто упивалась солнцем, морем, цветами и музыкой, что звучала в этой волшебной стране повсюду. Здесь любили красоту, тут совсем не было льда, и сердца людей были так открыты, что не нужно было никакой волшебной силы, чтобы читать их мысли.

Феи летали среди облаков на своих колесницах, запряженных стрекозами, и с улыбками, которые многие люди при-

нимали за солнечные зайчики, смотрели вниз, как по мостовой по направлению к площади шла девушка, ее приветствовали прохожие, а она отвечала им своей улыбкой. Ничего не могла поделать колдунья, никак не могла помешать тому, что должно было случиться, и поэтому она просто смотрела, сжимая кулаки и царапая себя ногтями, пока из ее ладоней не потекла черная кровь.

Тем временем девушка вышла на площадь и замерла, увидев перед дворцом каменного юношу необыкновенной красоты. Она, казалось, уже видела все самое красивое, что можно было увидеть, но оказалось, что нет. Самым прекрасным был он – каменный юноша, стоявший на площади перед дворцом. Чуткое сердце подсказало ей, что статуя, даже изваянная самым именитым мастером не может быть настолько прекрасной, что это настоящий, но заколдованный человек.

И вот пришло время воспользоваться дарами фей: первый раз за всю свою жизнь девушка отважилась поднять глаза, чтобы прочитать его мысли. Она подошла совсем близко, и ее чуткое сердце услышало горестные вздохи и боль, тогда она положила свою ладонь на грудь каменного юноши, и почувствовала, как под ее рукой забилося его сердце, еще через мгновение он ожил, почувствовал, что может пошевелиться, вздохнуть и открыть глаза.

И первое, что он увидел — это волшебные глаза девушки. Конечно, он не смог уберечься от того о чем, предупре-

ждала фея, наделившая девушку своим даром, волшебным взглядом, – посмотрев ей в глаза, он уже никогда не смог бы забыть их. Но, похоже, он был совсем не против такого волшебства.

Родители юноши, услышав шум, бросились на площадь, где люди кричали от радости и пели, окружив стоящих в центре юношу и девушку, которые, словно околдованные, держались за руки и неотрывно смотрели в глаза друг другу. Микеле и его жена принялись обнимать и целовать своего сына и девушку, что спасла его.

За общим ликованием и за лепестками цветов, которые сыпались с неба, благодаря радостным феям, никто не заметил, как в одном из переулков, вблизи площади, мелькнула черная тень — это ведьма бежала прочь, не разбирая дороги, пока ее черное сердце не выдержало и не разорвалось от переполнявших его зависти и злобы.

Конечно, в мире есть теплые страны и ледяные, злые колдуньи и добрые феи, горе и счастье, и иногда кажется, что зло побеждает добро, а несчастье длится слишком долго, нельзя ни на минуту забывать, что на каждую колдунью приходится не меньше трех добрых фей, и волшебные дары всегда помогут справиться с любым колдовством, что то, что должно произойти, обязательно случится, несмотря на все колдовские чары, потому что добро всегда побеждает зло.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Накануне Рождества обычно выпадает снег, укрывая своей белизной все, что было так по-ноябрьски голо и сыро. Топятся камины, пламя которых пляшет по стенам уютных вечерних комнат. Старинные бронзовые канделябры мерцают своими до блеска начищенными перед праздником виньетками. В гостиной еще нет рождественского дерева – его принесут в сочельник – а если повезет с погодой, и вдруг ударит мороз, с пушистых мягких лап елки будет капать растаявший снег прямо на старинный скрипучий паркет и ветхий ковер, что покрывает его вот уже сто с лишним лет. Но, пока не наступили эти дни, справедливо признанные во всем мире самыми волшебными в году, тишину семейных вечеров нарушают лишь сказки.

Сказки... Кто не рассказывал сказок своим детям или внукам! И мало кто из этих мам, бабушек, отцов и даже дедушек знают, чьи истории они рассказывают. Увы, имена сказочников обычно остаются в тени их творений. А кажется, было бы интересно узнать, как выглядел тот или иной сказочник: был ли он стар, была ли у него борода или, возможно, седые усы, а может быть, это была старушка с круглыми очками на курносом носу, которые смешно соскальзывали, когда она писала, так, что бедняжке приходилось морщиться, чтобы вернуть их на законное место. Кто знает...

Эту сказку рассказывала не мама и не бабушка, не троюродная тетя и не добродушная соседка, всегда готовая приглядеть за сорванцами в то время, пока их родители смотрят спектакль в Главном Театре города.

В просторной гостиной было темно, на стене ровно и мерно тикали старинные часы, в теплом полукруге света у камина, прямо на полу расположились трое: две девочки и женщина, возраст которой было сложно определить, то ли от торжественно забранных в пучок волос, то ли от по-детски маленького лица с большими и будто удивленными глазами, то ли от костюма, который с успехом мог принадлежать мамаше семейства и гимназистке. Во всяком случае, эта дама пользовалась авторитетом у двух ангелочков, замерших перед ней в ожидании сказки.

Крестная (а именно ею и была для девочек дама без возраста) оттягивала момент и с улыбкой, притаившейся в уголках губ, длинной кочергой пошевелила в камине. Пламя взвилось и опало, рассыпав сноп маленьких колючих искр. Девочки зажмурились словно котята.

– Итак, мои котята, – наконец, произнесла крестная, – мне кажется, я вспомнила одну историю. Одну рождественскую историю, – подчеркнула она и уселась поудобнее на подушке. – Вы готовы ее слушать? Не прерывать меня глупыми вопросами, не просить крющона или выйти на минутку?

Девочки, по всей видимости, уже хорошо знали характер рассказчицы, и были готовы выполнять все ее правила,

лишь бы получить свое. Крестная, в свою очередь, тоже прекрасно знала своих «котят», но, все же, посчитала правильным немного повоспитывать их, как и должна делать настоящая крестная.

– Прекрасно, – хлопнула она в ладоши, часы на стене торжественно пробили «Бомм-бомм», словно разрешили начинать. А вот, собственно и сама сказка.

«Это было очень давно, когда в озерах было столько рыбы, что ее можно было ловить руками, в море выходили на деревянных кораблях под парусами, когда короли завоевывали новые земли, а крестьяне вспахивали поля плугом. Жизнь тогда была совсем другая. Время текло медленно, и, кстати, часов еще не изобрели. Чтобы добраться из одного конца страны в другой пришлось бы преодолеть верхом многие тысячи миль через дикие леса, полные зверей. Поэтому путешественники были вооружены, кто луком и стрелами, кто пикой или копьем. Не было театров, магазинов, а игрушки мастерили из соломы и цветных тряпочек. Ну, конечно, были богатые и бедные, как и теперь. Бедняки жили в деревнях, а богачи в замках. Замки строили из огромных камней, поэтому внутри было очень холодно даже летом, а вот в деревянных избушках крестьян, напротив, было очень тепло в любую зимнюю стужу. В общем, страна как страна. И все в ней было, как полагается.

Во главе ее был Король. Жил он, как водится у королев, в большом каменном замке. Имени его уже никто не вспом-

нит, поэтому мы будем называть его «Король» или «Его величество», как обращались тогда ко всем королям. Были у Короля леса для охоты, корабли для военных походов, деревни для удовлетворения всех его прихотей, друзья – такие же богатые, но не такие умные, ведь, вы понимаете, для того, чтобы стать королем просто необходимо иметь массу качеств, главное из которых – ум. Этот Король был очень умный, хитрый, ловкий, смелый и, ко всему прочему, еще и красивый. Согласитесь, немного мы знаем таких удивительных королей!

Жизнь у Короля была похожа на течение горной реки: никогда он не сидел на месте, всегда был занят чем-то. Охота, война, чтение мудрых книг, путешествия в дальние страны, пиры и исполнение государственных дел. Все, кто был знаком с Королем, были уверены, что он счастливчик. Человек, у которого было все, чего можно было только пожелать. Только никто из придворных не мог видеть, как вечерами, устав от бурного течения жизни, Король усаживался на пол у камина и подолгу молча смотрел на красное пламя, устало опустив руки на голову любимого пса.

В ту страну тоже приходило Рождество. И накануне праздника Королю преподносили подарки. Со всех стран света другие короли слали ему золотые кубки, серебряные браслеты, плетеные уздечки для его коня, украшенные рубинами кинжалы. И придворные не отставали – ведь всем хотелось быть на шажочек ближе к Его Величеству. Коробки, свертки

копились и копились в большущей главной гостинной замка, пока не превращались в высокую гору. Но, в отличие от вас, мои котята, Король не торопился распаковывать подарки. Они так наскучили ему, что порой коробки и свертки так и оставались лежать нераскрытыми, чтобы потом оказаться сваленными в чулане.

Рождество еще не наступило. Снега не было. В цветные огромные витражи барабанил мелкий дождик. Король сидел на троне и в пол уха слушал кастеляна замка. Тот сообщал последние новости, и, между прочим, занимался разбором почты. Да-да, почта существовала всегда. Ни письма, скрепленные сургучными печатями, ни коробки с рахат-лукумом, ни говорящий попугай не заинтересовали Короля. Он рассеянно смотрел на то, как в цветных стеклах окна отражается свет большой люстры, и как вспыхивают огоньками капли дождя с той стороны окна. Возможно, по причине усталости и этой осенней хандры, или потому что ему наскучили подарки, Король равнодушно отправил в общую кучу небольшой, аккуратно упакованный сверток, поданный ему с поклоном кастеляном.

Что было в том свертке – очередной его портрет, дорогой арбалет или охотничье седло? Кто знает... но его постигла участь всех королевских подарков. Если бы не Рождество.

Да, история происходила накануне самого доброго в году праздника, не считая именин (но именины наш Король не праздновал никогда), поэтому совершенно неожиданно

(или как раз закономерно) произошло чудо и... собираясь отправиться в свои покои, Король запнулся о сложенные в гору подарки. Уложенный на самый верх последний сверток упал прямо ему на голову.

Что такое?! Кто посмел?! В сердцах Король схватил его и собирался отшвырнуть подальше, но... сверток развернулся. Это был гобелен. Непростой гобелен. Такой, каких Король не видел никогда и нигде, а нам-то известно, как много он знал и как много путешествовал. Да, этот гобелен удивил Короля. Удивил настолько, что он, не говоря ни слова кастеляну, удалился в свою спальню, осторожно неся в руках подарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.